

Не дав Нин Цюяню до конца осмыслить «молодец», Гуань Хэн продолжил:

— В следующий раз, если случится что-нибудь подобное, тоже звони мне напрямую.

Гуань Хэн, похоже, был доволен тем, как Нин Цюянь поступил.

То, что он появился так быстро, скорее всего означало — он и без того уже искал Нин Цюяня. Своими действиями он наглядно показал смысл собственных слов: «Живи дерзко, а всё остальное оставь мне».

А Нин Цюянь, сделав первый шаг к тому, чтобы вверить себя Гуань Хэну, получил за это похвалу.

Грудь распирало от чувства, которому он не мог дать названия, — смеси растерянности и смущения.

Свет маяка погас.

Водитель выключил оборудование.

Одновременно погасли и лампы в салоне.

В наступившей тишине лицо Гуань Хэна растворилось в тени; лишь неяркий свет в глубине его глаз был обращён к Нин Цюяню.

— Теперь понимаешь? — спросил Гуань Хэн.

Нин Цюянь сидел прямо и ответил:

— ...Да. Спасибо, что приехали за мной.

Гуань Хэн никак не отреагировал на благодарность — возможно, она его совершенно не интересовала.

Водитель быстро вернулся и завёл мотор.

Гуань Хэн чуть повернулся и нажал кнопку на панели заднего ряда, прибавив обогрев.

Тёплый воздух обдувал Нин Цюяня, смывая налёт инея и холода, набранный снаружи.

Почти окоченевшее тело начало отогреваться, и непроизвольная мелкая дрожь унялась. Эта молчаливая забота согревала не только тело, но и что-то внутри.

Заднее сиденье было просторным; их разделяло расстояние в одно место.

Присутствие Гуань Хэна ощущалось остро. Нин Цюянь услышал его вопрос:

— Чем ты занимался сегодня? С чего вдруг решил идти на ферму?

— Поспал немного утром, — ответил Нин Цюянь. — Не хотел подниматься к вам и мешать, вот и пошёл прогуляться.

— В следующий раз, когда захочешь собирать пазл, — просто поднимайся. Даже если я сплю, — сказал Гуань Хэн.

— Всё в порядке, я могу играть в телефон у себя! — поспешил заверить Нин Цюянь.

Гуань Хэн покосился на него и неторопливо произнёс:

— Никаких игр.

Нин Цюянь: «...»

На какой-то миг ему всерьёз показалось, что Гуань Хэн и правда слышит всё, что происходит этажом ниже. И что шум от его игр давно уже действует ему на нервы.

— Что ты видел на ферме? — продолжил Гуань Хэн.

Нин Цюянь, не замечая того сам, послушно следовал ходу его мыслей:

— Коров, овец, оленей... кур, уток, гусей. — Он запнулся. — И бойню.

— Испугался?

— Чего?

— Столько крови увидел. Испугался?

Машина проехала сквозь густую лесную чащу и выбралась на главную дорогу.

Над головой раскинулось звёздное небо. По обеим сторонам белел снег. Тишина делала пейзаж ещё более величественным. На всём острове была одна-единственная дорога — и одна-единственная машина: их.

В вопросе Гуань Хэна, казалось, скрывался второй смысл.

Его кожа оставалась всё такой же болезненно-бледной, холодноватой, — но в темноте он словно светился изнутри. Это была парадоксальная красота.

Гуань Хэн принадлежал ночи.

Нин Цюянь боялся такого Гуань Хэна. И боялся крови.

Он выбрал промежуточный ответ:

— На бойне слишком много крови. Мне стало нехорошо.

— Нехорошо? — переспросил Гуань Хэн.

Нин Цюянь кивнул, потом добавил:

— Я видел только что родившегося ягнёнка. Мать кормила его молоком. Маленький, пушистый, такой милый.

Гуань Хэн коротко хмыкнул, ожидая продолжения.

— Рано или поздно ягнёнок вырастет, — сказал Нин Цюянь. — Наберёт достаточно веса — и его отправят на убой. Какой бы он ни был милый, это временно. От участи быть выпотрошенным не уйти.

Как та корова на стене — с остекленевшими, выпученными глазами.

Выслушав его, Гуань Хэн произнёс совершенно естественным тоном:

— Ферма обеспечивает всех на острове. Мясо, яйца, белок, минералы — всё, что нужно для поддержания жизни. Включая все блюда, которые ты здесь ешь. Каждый твой приём пищи на острове — оттуда.

Нин Цюянь кивнул. Дядя Кан давно говорил ему, что остров во многом живёт на полном самообеспечении.

— Если не воспринимать ферму как рай для животных, — продолжил Гуань Хэн, — а смотреть на них как на загнанную в загон добычу, — то когда они окажутся на тарелке, тебе будет гораздо легче.

Нин Цюянь всё это понимал. У него не было привычки жалеть весь домашний скот скопом.

И всё-таки видеть это своими глазами было тяжело.

— Ферма такая большая, почему там почти нет людей? — Он не хотел думать об этом дальше и сменил тему на то, что его интересовало. — Я встретил только одного человека. Он приехал на остров вместе со мной, в мой первый приезд. Тоже по фамилии Гуань.

Гуань Хэн, казалось, не проявил к однофамильцу ни малейшего интереса. Лишь чуть приподнял бровь:

— Что ты хочешь узнать?

Он не дразнил, не играл. Он действительно был готов ответить.

Нин Цюянь набрался смелости:

— Его привезли насильно?

— Можно и так сказать, — произнёс Гуань Хэн, но поправил формулировку: — Вернули.

— Вернули? — не понял Нин Цюянь.

Но Гуань Хэн лишь молча смотрел на него — глаза тёмные, непроницаемые — и больше не сказал ни слова.

Разговор оказался коротким — они и не заметили, как машина подъехала к дому.

Весь особняк был залит светом, даже в пустом фонтане горели огни — и казалось, что в этих стенах наконец-то теплится обычная, живая жизнь.

Машина встала сбоку, и открыть можно было только левую дверь — справа намело высокий сугроб.

Водитель первым открыл дверцу для Гуань Хэна. Тот вышел, и только тогда Нин Цюянь смог выбраться с его стороны.

Он едва сдвинулся, как перед ним появилась рука.

Ладонь — вверх. Длинные пальцы свободно согнуты.

Жест, которым приглашают подать руку.

— Иди сюда, — сказал Гуань Хэн. Он всё ещё стоял рядом.

У Нин Цюяня вспыхнули щёки. Он вложил свою руку в его.

Их ладони соприкоснулись лишь на миг — и разомкнулись. Нин Цюянь не успел почувствовать тепла его кожи.

Подтянутый Гуань Хэном, он ступил на землю и увидел седого дядю Кана, стоявшего навытяжку в дверном проёме.

Они подошли. Дядя Кан склонил голову перед Гуань Хэном:

— С возвращением. ...ожидает вас внутри.

Он назвал чьё-то имя, но Нин Цюянь не расслышал.

Похоже, у них гость.

Гуань Хэн шёл впереди — широкая спина, и макушка Нин Цюяня едва доходила ему до уха. Он увидел лишь, как Гуань Хэн кивнул, — и размашистым шагом вошёл в дом первым.

Нин Цюянь поднялся на две ступени, и дядя Кан тоже придержал его под руку.

Все, казалось, боялись, что он поскользнётся. Ему стало неловко.

— Ты пропустил ужин, — мягко сказал дядя Кан. — Но я велел оставить тебе порцию. Сейчас как раз нужной температуры.

Умудриться заблудиться на дороге, где всего-то одна тропа, — Нин Цюянь готов был провалиться сквозь землю.

— Спасибо, дедушка Кан, — выдавил он, пунцовый до ушей.

— Благодарить нужно не меня, а господина, — ответил дядя Кан. — Он узнал, что ты ушёл на ферму и не вернулся, — и сразу понял, что ты заблудился где-то поблизости.

Значит, Гуань Хэн первым заметил его отсутствие?

Нин Цюянь подумал: наверное, проснувшись, Гуань Хэн захотел позвать его собирать пазл.

Они шли по коридору. Дядя Кан спросил:

— Ты ведь ездил совсем недалеко. Где господин тебя нашёл? Гораздо быстрее, чем я ожидал.

На самом деле маяк располагался ближе к дому, чем ферма, — почти у главной дороги.

Потому обратный путь и занял всего минут десять-пятнадцать.

— На маяке, — сказал Нин Цюянь. — Я случайно включил его. — И тут вспомнил главное: — Кстати, на маяке ловит телефон!

— Вот как, — понимающе улыбнулся дядя Кан. — Тот маяк не работает уже года два-три. Раньше он указывал путь заблудившимся судам. Но однажды кто-то пробрался на остров и оттуда сфотографировал господина. Поднялся страшный шум в сети, и после этого господин распорядился маяк закрыть.

Фотография?

Нин Цюянь тотчас вспомнил снимок, который два года назад появился в рейтинге тайных миллиардеров.

Так вот когда он был сделан!

— А глушилки связи поставили тогда же, — добавил дядя Кан.

— ...Дедушка Кан, — произнёс Нин Цюянь.

Теперь всё встало на свои места. Когда он спрашивал дядю Кана, где есть связь, тот отправил его бродить с поднятым телефоном по всему острову — просто потому, что ещё не доверял ему и нарочно не сказал правду.

А на третьем этаже Гуань Хэна телефон ловил именно потому, что там глушилок не было.

Нин Цюянь посмотрел на дядю Кана с немым укором.

Тот рассмеялся и похлопал его по плечу:

— Отучить вас, молодёжь, от интернет-зависимости — тоже полезное дело.

За разговором они дошли до гостиной рядом со столовой.

Нин Цюянь сразу увидел Гуань Хэна — тот вошёл чуть раньше.

Гуань Хэн стоял, позволяя слуге снять с него пальто. Шелковистые длинные волосы рассыпались по плечам, заправленные за ухо, обнажая профиль, от которого невозможно было отвести глаз.

Пальто унесли.

Гуань Хэн чуть хмурился, слушая кого-то.

Заслышав шаги, оба посмотрели в их сторону.

Собеседником Гуань Хэна оказался незнакомый молодой мужчина — коротко стриженный, черноглазый, с резкими, чёткими чертами лица. Кожа — такая же бледная, как у Гуань Хэна.

Они не выглядели близкими, но стоя рядом, смотрелись как безупречно выписанная картина.

Должно быть, это и был тот гость, которого упоминал дядя Кан.

Он явился ночью.

Нин Цюянь вдруг ощутил какое-то наитие: этот человек и Гуань Хэн — одного рода.

Он прошёл за дядей Каном в столовую. Слуга, завидев их, поднял крышки с блюд.

Повалил горячий пар, и аромат ударил в нос.

Нин Цюянь был голоден как волк. Он сначала выпил тарелку каши, потом принялся за закуски.

Дядя Кан, улыбаясь, заметил:

— Неудивительно, что бабушка Бай так любит для тебя готовить. За все эти годы, пожалуй, ты — лучший ценитель её мастерства.

Нин Цюянь вспомнил, что кухонный слуга говорил ему: на острове готовит пожилая женщина по фамилии Бай.

Он спросил дядю Кана, почему её никогда не видно.

— Не любит людей. Характер у неё тяжёлый, — сказал дядя Кан, в точности повторив слова того слуги.

В этот момент в столовую вошёл Гуань Хэн.

Вместе с гостем.

За огромным столом сидел один-единственный Нин Цюянь — без шапки, с растрёпанными волосами и, вероятно, не самыми изящными манерами за едой.

Потому что гость, увидев его, фыркнул от смеха.

Нин Цюянь: «...»

Гуань Хэн из-за стола сказал ему:

— Поешь — и поднимайся на третий этаж.

Нин Цюянь торопливо проглотил еду и кивнул.

Неужели опять бессонная ночь?

Он слегка приуныл.

Гуань Хэн развернулся, собираясь уходить.

Гость, всё ещё улыбаясь, подмигнул Нин Цюяню:

— Наконец-то встретились, щеночек.

Нин Цюянь: «?»

Какой ещё щеночек?

Он посмотрел на Гуань Хэна — и тот, к его изумлению, тоже обернулся и смотрел на него.

Выражение лица Гуань Хэна не изменилось.

Но прежде чем они вышли, Нин Цюянь совершенно отчетливо увидел: в глубине тёмных глаз Гуань Хэна мелькнула лёгкая, мимолётная тень улыбки.

<http://bllate.org/book/17881/1710822>